

УДК 82.091

АНГЛИЧАНЕ В ОПИСАНИЯХ ПУТЕШЕСТВИЙ СЕРЕДИНЫ XIX В.

© Е.Э.Овчарова

Статья посвящена метаморфозе английского национального характера в колониях в первой половине XIX в. Можно проследить непростой процесс внутренней трансформации английского менталитета по путевым заметкам, созданным в эту эпоху. Автором для анализа были выбраны тексты тех путешественников, которые не были вовлечены в политические и культурные перипетии английской колонизации, что давало им возможность оставаться максимально беспристрастными свидетелями, а именно французского писателя Теофиля Готье и русского художника Алексея Салтыкова.

Ключевые слова: XIX в., путешествие, путевая проза, метаморфоза национального английского характера, Теофиль Готье, Алексей Салтыков.

Литература путешествий обладает удивительным свойством: она позволяет увидеть воочию образы давно ушедших эпох, причем взглянуть на них глазами очевидца. Необычайно интересны свидетельства тех путешественников, которые обладали не просто некоторой литературной сноровкой, но умением живописать словом, способностью к художественному осмыслению бесчисленных впечатлений. Англичане, так долго властвовавшие на Востоке, не могли не оставить заметного следа в путевой прозе. Особенности их присутствия, их взаимодействие с подвластными народами, их метаморфоза, неизбежная в таком процессе, особенно была заметна тем иностранным путешественникам, которые не были вовлечены в политические и культурные перипетии английской колонизации. В связи с этим в данной статье выбраны два автора путешествий первой половины XIX в. – Теофиль Готье, который пропагандировал принцип живописного, чисто эстетического взгляда на действительность, не отягченного практическими заботами [1: 8], и Алексей Салтыков, русский князь, достаточно богатый, чтобы путешествовать только из романтических устремлений.

Теофиль Готье. «Константинополь». «Константинополь» является одной из двух книг очерков восточных путешествий Теофиля Готье. Замыслы его были куда более обширны и включали не только Алжир и Турцию, путешествия по которым и часть сопутствующих литературных замыслов удалось осуществить, но и несостоявшиеся намерения в отношении Туниса, Ливии, Египта, Палестины [1: 5].

Путешествия Готье создавались специально для публикации, они разбиты на главы, каждая из которых является вполне связным повествованием об одном из этапов путешествия. Создается впечатление, что Готье ни на минуту не забывает о своих читателях; кажется, он прямо на

ходу перелагает свои наблюдения в сетку перманентно занимательного нарратива. Тем не менее, несмотря на то, что поток непосредственных впечатлений расцвечен обильными литературными реминисценциями, стиль изложения безупречен, а рассказ Готье столь нагляден, что создается иллюзия присутствия, текст очерков вполне *документален* и отражает действительно имевшие место события и впечатления, лишь отчасти преобразованные автором. Надо также отметить, что об отражении в повествовании подлинных переживаний автора говорит и заметная метаморфоза в настроении и даже в мировоззрении главного героя очерков, от лица которого ведется повествование. С.Зенкин отмечает, что, начавшись с *энтузиастического* утверждения «лазурной болезни», романтической ностальгии по чужбине, два восточных путешествия Готье заканчиваются на печальной ноте [1: 13].

Лейтмотив константинопольских очерков – это верность хорошему вкусу, столкновение Востока и Запада способствует (если использовать отечественный термин) *опошлению* Востока, несущего в себе, по мысли Готье, изначальные древние ценности. Профанация прекрасного подлинного Востока, которую везде отмечает путешественник, вызывает у него постоянное душевное содрогание. И англичане здесь играют весьма важную роль.

Первым значительным пунктом в путешествии Готье в Константинополь была Мальта, на тот момент являвшаяся английским владением и, по словам Готье, ключом, замыкающим Средиземное море. Каждое слово Готье, относящееся к английскому присутствию на Востоке, имеет иронический или даже язвительный характер. Кажется, насмешек избежала только пирамида в

честь английского полковника Кавендиша¹ – одна из первых достопримечательностей столицы Мальты Валетты, встречавшая в середине XIX века путешественников при заходе в гавань. Впрочем, колкости французского писателя – чистое ерничанье, они носят самый общий характер и не касаются ни политических проблем, ни известных личностей. Ворота в Валетту украшал тогда британский герб, к которому Готье прилагает определение «триумфальный». «На набережной, у Валетты, видны английские солдаты в строгих красно-белых мундирах и повозки с большими ярко-красными колесами, вроде старых неаполитанских корриколи» [2: 85]. Городские укрепления Валетты сочетают британские и средиземноморские черты. Английская армия своей муштрой вызывает у Готье только насмешку [2: 86-87].

Из бесконечно пестрой толпы, текущей через городские ворота, острый глаз Готье выхватывает англичанку, одетую с неуместной здесь безусловной британской корректностью, в сопровождении огромного негра, облаченного лишь в шерстяное одеяло, но шествующего с царственным величием. По этому поводу Готье раздражается тирадой о внутреннем аристократизме жителей Востока, причисляя при этом к восточным жителям в своем раздражении по поводу западной цивилизации и обитателя Юга [2: 88].

Английские таверны, обклеенные рекламными плакатами, английские полицейские производят на путешественника странное впечатление. Они представляются ему неуместными, вносящими нелепый диссонанс в пеструю суету восточного базара [2: 89].

Когда же в Константинополе путешественнику предлагают английскую ткань, чья расцветка, по мнению Готье, совершенно противоречит хорошему вкусу, то он готов подвергнуть проклятию все технические достижения Великобритании, а также и успехи отечественной, французской легкой промышленности, заполонившей западным ширпотребом восточные базары [2: 157].

Надо сказать, что вышеупомянутая перемена в умонастроении главного героя очерков – печаль, настигнувшая его в конце путешествия, – никак не отражается на его отношении к вечным антагонистам французской нации. Даже лорд Байрон, неизбежно всплывающий в воображении

путешествующего французского эрудита при виде пролива Геллеспонт, удостаивается с его стороны лишь саркастического пассажа [2: 120].

А.Д.Салтыков. «Письма об Индии». В 1847 князь Алексей Дмитриевич Салтыков, известный своей эксцентричностью представитель знаменитой русской фамилии, издал в Париже «Письма об Индии». Книга состояла из отредактированных, но сохранивших непосредственность подлинных впечатлений писем, которые Салтыков писал родным и друзьям во время своего длительного путешествия, и большого количества рисунков [3: 7]. В русском переводе эти письма были опубликованы позднее, в 1851 г.

В письмах Алексея Салтыкова запечатлен как бы мгновенный портрет жизни Востока середины XIX в. Англичане играли здесь роль весьма значительную. Из всех европейцев, встретившихся Салтыкову по дороге, именно им более всего уделено внимания в его записках; никто из представителей иных наций, даже французы, язык которых для Салтыкова является практически родным, не получают сколько-нибудь подробной характеристики.

По поводу английского способа устраивать свою жизнь в Индии Салтыков высказывается поначалу довольно резко (письмо из Бомбея, 18 марта 1841 г.) Англичане предстают перед адресатами Алексея Салтыкова как некая антитеза всему возвышенному, как воплощение банальности, столь ненавистной истинному романтику. Англичане для него – это люди, которые даже чувствуют по своим непреложным, установленным заранее правилам [4: 19]. Они являются врагами всякой гармонии – природы, музыки, быта

Наглядная характеристика английского прагматизма дана князем уже в его первом письме своему близкому родственнику Петру Салтыкову, посвященном краткому, но очень емкому описанию той части Египта, которую успел увидеть Алексей Дмитриевич, будучи на пути в Индию. В то время Египет был частью маршрута для тех, кто ехал в Индию, пользуясь услугами английской транспортной компании.

За семь часов своего пребывания в Каире Алексей Дмитриевич успел получить представление о восточных банях, посетить своего банкира, прогуляться по каирским улицам и базарам. Салтыков с удивлением отмечает, что «вообще Египет сохранил в себе настолько свой первообраз и неприкосновенность в породе людей, одежде и обычаях, что воображение уносится на три тысячи лет назад» [4: 12]. С другой стороны, зоркими глазами художника он с интересом наблюдает за смешением народов в Каире:

¹ Major-General **The Honourable Sir Frederick Cavendish Ponsonby**, GCMG, KCB, KCH (6 July 1783 – 11 January 1837), on 22 December 1826, he was appointed Governor of Malta, and remained there for eight and a half years http://en.wikipedia.org/wiki/Frederick_Cavendish_Ponsonby

«Толпа, сквозь которую я проехал, ни с чем не может сравниться, до того, что я с трудом верил собственным глазам <...> кажется, будто природа собрала здесь в одно место типы всех разных племен» [4: 12].

Вместе с тем рядом со всеми «дикивинками Каира» совершенно независимое существование вела английская гостиница для транзитных путешественников в Индию. Во дворе вокруг чемаданов суетилась целая толпа англичан и англичанок всех возрастов, наскоро утолявшая голод сэндвичами и портером и нисколько не озабоченная загадочным Востоком. Хозяин гостиницы тут же распорядился целым стадом верблюдов, ослов, арабских полудиких лошадей, которых готовили для длительного перехода через пустыню. Данный туристический вояж из Европы в Индию, четко организованный на всех этапах английской компанией с помощью кадров из местного пестрого населения, на пути из Каира в Суэц, по описанию Салтыкова, представлял собой весьма эффектное зрелище. Это было смешение нескольких десятков европейцев, верблюдов и целой орды черного и смуглого народа – арабов, абиссинцев, нубийцев, нагих или полудетых. Все эти облаченные в библейские одежды персонажи вместе со своими экзотическими животными на самом деле были просто служащими упомянутой компании. Путешественники проходили мимо обширного лагеря действующей армии, весьма уставшей после военного похода; войск местного правителя Ибрагима Паши, возвращавшихся из Сирии с войны против султана и оставляющих после себя дорожку, усеянную трупами лошадей и верблюдов, среди которых были и трое умерших от усталости солдат [4: 12].

Салтыкову в глаза бросается неизменная преданность англичан своим традициям, порой даже выходящая за рамки простого здравого смысла. Вот что он пишет об английском способе питаться, остающемся практически постоянным, несмотря на все изменения внешних условий: «<...> мои спутники сидят за своим «ланчем», вторым завтраком, состоящим из бисквита, хереса и водки. Англичане никогда не изменят заведенному порядку: та же ветчина, тот же фаршированный гусь, те же копченые сельди, кайенский перец, сливовый пудинг, сыр, орехи и водка. Оттого они только и делают, что принимают лекарства: «английскую соль и т.п. У каждого есть *medicine-chest* [походная аптечка], на-

чиная с капитана, а капитан – толстый двадцатипятилетний парень, который постоянно наедается старой ветчиной и салом и вслед за тем неизменно принимает содовые порошки в вине» [4: 22].

Англичане были весьма горды своим порядком, который они установили в Индии: опекая население, они в то же время не допускали вмешательства в их внутреннюю жизнь. Салтыков в этом с ними вполне согласен, считая, что английское правительство в Индии можно в полном смысле назвать *patronising*.

Салтыков, обнаруживающий поначалу несколько предвзятое отношение к английскому способу существования, находя его полностью противоречащим предустановленной гармонии, не может не изменить своего отношения в результате своего долговременного обитания в Индии, где основными его спутниками, гостеприимными хозяевами и друзьями были англичане. По мере своего путешествия Салтыков наблюдал уже не столько неизменность английского образа жизни, сколько его трансформацию – причем не столько внешней его стороны, сколько внутренней. Так, английский джентльмен мог обратиться в индийского набоба, а эксцентричный любитель гастрономических изысков – в безжалостного эксплуататора большого региона; строгий законник становился деятельным покровителем слабых или преследуемых жестокими обычаями и установлениями, а прожженный коммерсант оказывался меценатом религиозного искусства чуждой цивилизации. Характеры и мировоззрение англичан в индийских условиях обретали подчас совсем иное качество, а неизменность английских качеств, так раздражавшая Готье, оказывалась всего лишь видимостью.

* * * * *

1. *Зенкин С.И.* Два восточных путешествия Теофиля Готье // Теофиль Готье. Путешествие на Восток. – М.: Издательство им.Сабашниковых, 2000. – 344 с.
2. *Готье Теофиль.* Путешествие на Восток / Теофиль Готье. – М.: Издательство им.Сабашниковых, 2000. – 344 с.
3. *Алаев Л.Б.* Предисловие // А.Д.Салтыков. Письма об Индии. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 176 с.
4. *Салтыков А.Д.* Письма об Индии / А.Д.Салтыков – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 176 с.

THE ENGLISH IN TRAVELOGUES OF THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

E.E.Ovcharova

The paper is devoted to a metamorphosis of the English character in the first part of the 19th century. Literary travelogues of the 19th century make it possible to see the complicated process of the inner transformation of the English character. The author analyzes the texts of the travelers not involved in the twists and turns of political and cultural life, those who were impartial witnesses of the English colonization. These are travelogues by the French writer Theophile Gautier and the Russian artist Alexey Saltykov.

Key words: 19th century, journey, travel literature, literary travelogue, metamorphosis of the English character, Theophile Gautier, Alexey Saltykov.

* * * * *

Овчарова Екатерина Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента в энергетике и природопользовании Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

E-mail: ekbs@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.05.2013